

П.А. Кулаковский

**Очерк истории попыток
решения вопроса об едином
литературном языке у славян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Кулаковский**
Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян / П.А. Кулаковский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 59 с.

ISBN 978-5-458-10875-1

Кулаковский Платон Андреевич (1848-1913) - русский историк и филолог-славист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Профессор русского языка и литературы Великой школы в Белграде. Профессор славянских наречий Варшавского университета. Варшава : типография К.Ковалевского, 1885.

ISBN 978-5-458-10875-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

народностями, а его претензіи на исключительное господство въ мірѣ должны были отразиться и на отношеніяхъ Славянъ между собою. Тамъ, гдѣ теперь сойдутся близко двѣ славянскія народности, хотя бы чрезвычайно тѣсно связанные между собою по крови и по языку, но различныя по вѣроисповѣданію, происходитъ борьба между ними и теперь. Таковы, на примѣръ, отношенія между Хорватами - католиками и Сербамъ - православными. Отождествленіе вѣроисповѣданія съ народностью ведетъ ко многимъ раздорамъ въ Славянской семьѣ и замѣчается въ наше время лишь у Славянъ: стоитъ лишь православному Сербу стать католикомъ или католику Хорвату принять православіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнить свое народное имя, хотя съ перемѣной вѣроисповѣданія не произошло перемѣнъ ни въ языкѣ, ни въ одеждѣ, ни въ обычаяхъ...

Въ полномъ разнообразіи Славянской жизни, кажется, не осталось ничего такого, что предвѣщало бы возможность полного возврата славянства къ совершенному объединенію во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая народность жила своею особою жизнью, подвергалась различнымъ испытаніямъ и превратностямъ судьбы, была лишена прочныхъ связей съ остальными Славянскими народностями. Но сознаніе общеплеменнаго единства жило у Славянъ всегда, такъ сказать, въ народныхъ инстинктахъ, и можно указать въ исторіи Славянъ отдѣльные моменты, свидѣтельствующіе, что Славянскія народности по временамъ поддерживали связи другъ съ другомъ, а болѣе энергичные и идеальные умы старались проникнуть въ глубь грядущихъ вѣковъ и отгадать формы даже политическаго объединенія Славянъ. Если древнѣйшіе славянскіе лѣтописцы и хронисты указываютъ на единство происхожденія всѣхъ Славянъ, то въ позднѣйшія времена Славянскія народности въ трудные моменты своей исторической жизни обращали свои взоры съ надеждою на помощь къ болѣе счастливымъ своимъ родичамъ. Сербская народная пѣсня отсылаетъ въ Россію посохъ св. Саввы Неманича и крестовое знамя царя Лазаря, павшаго въ роковой для Сербскаго царства битвѣ съ Турками на Косовомъ полѣ, а хорватскій католическій священникъ Юрій Крижаничъ убѣждаетъ царя Алексѣи Михай-

ловича освободить юго-Славянъ отъ Турецкаго ига... Мысль о возможности политическаго объединенія всего Славянства возникла подъ вліяніемъ печальныхъ историческихъ событій въ жизни Славянской семьи и можетъ быть поэтому названа сравнительно новою и недавною.

Но иной источникъ и иное значеніе имѣетъ мысль объ единствѣ литературнаго языка у Славянъ. Она можетъ быть названа завѣтомъ святыхъ Славянскихъ Апостоловъ, дошедшимъ и сохраненнымъ до нашего времени, не смотря на потерю единства церковнаго. Общеславянскій характеръ языка, на которомъ проповѣдывалось Славянамъ Евангеліе, служить всему Славянству великимъ указаніемъ, къ чему Славяне должны стремиться, если въ самомъ дѣлѣ имъ суждено играть видную роль въ исторіи міровой цивилизаціи. Мысль о томъ, что это единство было когда-то, какъ было и единство религиозное,—укоръ новому Славянскому міру, несохранившему завѣщаннаго ему церковнаго единства.

И такова сила ученія и завѣтовъ св. Кирилла и Меѳодія, что тамъ, гдѣ Славяне остались имъ вѣрны и сохранили кирилло-меѳодіевскую литургію, тамъ сохранили они и свою политическую мощь. На нашихъ глазахъ возродились для политической самостоятельности два Славянскихъ народа, сохранившихъ въ жизни и въ церкви завѣты славянскихъ Апостоловъ. Тѣсно связанная съ Россіей и русскимъ народомъ единствомъ вѣры и книги, эти народности—Сербская и Болгарская—обязаны своимъ воскрешеніемъ по преимуществу тому, что ихъ національная самобытность охранялась уже тѣмъ, что они имѣли свою службу въ церкви на языкѣ Кирилла и Меѳодія и избѣгли деспотической власти Романо-Германской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ эти народности многимъ обязаны Русскому государству и народу за свое воскрешеніе для политической самостоятельной жизни, но самая помощь Россіи и подъемъ и сила духа Сербовъ и Болгаръ, поддерживавшіе ихъ при всевозможныхъ испытаніяхъ, которымъ подвергла ихъ печальная судьба, происходили оттого, что преданія кирилло-меѳодіевской проповѣди хранились у нихъ, какъ драгоценная святыня, и сохраняли ихъ отъ отреченія

отъ самихъ себя во имя кажущагося превосходства другихъ народовъ.

Извѣстно, что теперь почти каждая вѣтвь Славянъ имѣетъ свою литературу и свой литературный языкъ. Кромѣ Русской литературы существуютъ: Польская, Чешская, Лужицкая съ двумя языками верхнихъ и нижнихъ Лужичанъ, Словацкая, Хорватская и Сербская, Болгарская, Словенская. Но Славянскихъ нарѣчій, на которыхъ пишутъ, еще болѣе: такъ малорусское нарѣчье заявляетъ свои странныя требованія на отдѣльное отъ общерусскаго развитіе въ литературѣ, у Кашубовъ издаются нѣкоторыя книги на ихъ нарѣчьи и т. д. Это центробѣжное стремленіе у Славянъ соответствуетъ всей прошедшей исторіи Славянства, разьединеннаго и политически, и духовно, но рядомъ съ нимъ все сильнѣе и сильнѣе сказывается другое—центростремительное, ведущее къ единству Славянъ въ отношеніи дѣятельности на культурномъ и литературномъ полѣ. Развитіе литературы на мѣстныхъ языкахъ различныхъ Славянскихъ племенъ не представляетъ и не можетъ представить помѣхи для осуществленія идеи единства литературнаго языка произведеній, выходящихъ за исключительные предѣлы нужды одной какой либо Славянской народности; ибо одно то обстоятельство, что эти литературы служатъ интересамъ одной лишь народности, и что въ громадномъ большинствѣ онѣ лишь *теперь* вырабатываютъ свой литературный языкъ изъ живой народной рѣчи, указываетъ на ограниченныя цѣли мѣстныхъ литературъ и на ихъ безсиліе служить міровымъ задачамъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, предлежатъ Славянству въ его цѣломъ. Литературный языкъ, лишенный историческихъ основъ, хотя бы вырабатывался и талантливими дѣятелями, не имѣетъ за собою историческаго прошлаго, которое даетъ ему устой и силу. Славянскія нарѣчія, въ большинствѣ новички въ литературѣ, не могутъ имѣть ни внутренней, ни вѣшной силы на столько, чтобы представить болѣе интересъ, чѣмъ тотъ, который питаютъ къ нимъ спеціалисты, изучающіе Славянство. Они безсилны привлечь къ себѣ міровое вниманіе, ибо ни сами по себѣ, ни народности и государства, представителями которыхъ они

являются, не представляют выдающейся силы, которая могла бы повліять на европейскій міръ.

Всѣ великіе патріоты, установители типа литературнаго языка у Славянъ имѣли въ виду лишь мѣстные нужды и потребности и шли на встрѣчу лишь теченіямъ даннаго времени. Въ этомъ отношеніи заслуга сербскаго писателя Вука Караджича, установившаго типъ языка новой Сербской литературы, основывая его на правилѣ: пиши, какъ говоришь, имѣетъ значеніе лишь временное и случайное. Какъ ни высоко Сербами цѣнятся его дѣятельность, какъ ни велики его заслуги для Сербской народности, но своею реформою Сербскаго литературнаго языка онъ лишилъ его исторической почвы и обрекъ Сербскую литературу на весьма ограниченный кругъ дѣйствій. О другихъ новыхъ Славянскихъ литературахъ, какъ Словенской, Словацкой и др., нечего и говорить. Признавая за ними заслуги въ исторіи развитія тѣхъ племенъ, интересамъ которыхъ онѣ служатъ, мы не можемъ однако не замѣтить, что эти литературы мелочны и не вызываютъ никакого вниманія за предѣлами Славянскаго міра.

Попытки выйти за тѣсные предѣлы литературныхъ интересовъ отдѣльныхъ племенъ въ Славянскомъ мірѣ начались уже давно. Замѣчательно, что всѣ эти попытки, найти общеславянскій языкъ, дѣлались Славянами, живущими внѣ Россіи, и по преимуществу западными, сильнѣе всего чувствующими свою обособленность въ европейскомъ мірѣ, и потому ранѣе и сильнѣе другихъ сознавшими необходимость найти единство въ разнообразіи Славянскомъ.

Вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ рѣшался до сихъ поръ двояко: одни старались выработать искусственный языкъ, навязавъ условныя формы тому типу языка, который долженъ былъ играть роль общеславянскаго, другіе находили выходъ изъ затруднительнаго положенія Славянской раздробленности лишь въ томъ, чтобы всѣ Славяне приняли одинъ изъ живыхъ Славянскихъ языковъ за общій литературный для удовлетворенія высшихъ потребностей Славянской культурной жизни.

Исторія попытокъ создать искусственный общелитературный языкъ для Славянъ начинается со времени Юрія Крижанича, который впервые уяснилъ общія задачи Славянства и изложилъ ихъ въ извѣстной послѣдовательности и цѣльности. Если до Юрія Крижанича въ произведеніяхъ Славянскихъ писателей мы можемъ отмѣтить нѣкоторыя мѣста, свидѣтельствующія о сознаніи Славянскаго единства, какъ напр. у Далматинскихъ поэтовъ, то лишь въ сочиненіяхъ этого замѣчательнаго челоуѣка находимъ впервые полную систему взглядовъ, систему, которая въ извѣстномъ отношеніи лишь развивалась позднѣйшими панславистами.

Юрій Явканица Крижаничъ Неблюшскій родился въ 1617 году въ одномъ изъ городковъ Загребской жупаніи. Поступивъ въ духовное званіе, онъ сначала учился въ Загребской духовной Семинаріи, а затѣмъ былъ посланъ въ Вѣну въ тогда лишь основанную тамъ Хорватскую Семинарію. Это было около 1638 года. Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Болонью, гдѣ изучалъ юридическія науки, а затѣмъ въ Римъ, гдѣ поступилъ въ униатскую коллегію св. Анастасія. Здѣсь онъ познакомился съ церковно-славянскимъ языкомъ и сблизился съ извѣстнымъ дѣятелемъ по исправленію глаголическихъ богослужебныхъ книгъ Рафаиломъ Леваковичемъ. Въ Римѣ въ эту пору были перѣдги гости изъ Русской земли, особенно западныхъ и южныхъ ея областей, въ которыхъ тогда ревностно расиространялась униа, и Крижаничъ, познакомившись съ этими дѣятелями униа, узналъ и русскій языкъ. Сталкиваясь съ русскими людьми, онъ долженъ былъ слышать рассказы о русскомъ народѣ, объ его вѣроисповѣдныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Еще въ Римѣ Крижаничъ былъ назначенъ по распоряженію загребскаго епископа Винковича—каноникомъ въ Загребѣ, но впоследствии былъ лишень этого мѣста, такъ какъ все время оставался въ Римѣ, откуда онъ совершилъ путешествіе по Италиі. Такъ прошло 15 лѣтъ. Къ этому времени относится нѣсколько замѣчательныхъ его трудовъ, изъ которыхъ видно, что онъ сильно занимался вопросомъ о раздѣленіи церквей и раздорѣ между Римомъ и Византіей. Въ 1657 г. Крижаничъ ѣздилъ во Флоренцію

и Венецію, узнавъ, что тамъ гоститъ русское посольство: онъ уже окончательно рѣшилъ отправиться въ Русскую землю, въ Славянскую свободную страну съ великимъ значеніемъ въ будущемъ. „Днеска единъ русскій удѣлъ, по Божьей милости, говоритъ онъ въ сочиненіи, изданномъ подѣ заглавіемъ: „Русское государство“ въ 1860 г. профессоромъ П. А. Безсоновымъ, обращаясь къ царю Алексѣю Михайловичу, „живетъ подѣ тобою Царемъ и Государемъ своего языка, а остальные всѣ Словенцы есуть подвержены чужимъ народамъ“.

Съ цѣлью удобнѣе перебраться въ Россію, Юрій Крижанничъ отправился въ Вѣну, откуда въ 1658 г. онъ, вслѣдъ за посольствомъ русскимъ, возвращавшимся изъ Италіи въ Москву, чрезъ Польшу поѣхалъ въ Русскую страну. Въ началѣ 1659 г. онъ былъ во Львовѣ и вскорѣ затѣмъ, проѣхавъ чрезъ Малоросію, гдѣ онъ засталъ смуты, отправился въ Москву. Вслѣдствіе какихъ-то до сихъ поръ достаточно неразъясненныхъ обстоятельствъ онъ въ 1661 г. былъ сосланъ въ Тобольскъ. Причиной этой ссылки, вѣроятно, была его страстная и необыкновенно дѣятельная природа. Въ Москвѣ въ это время происходили оживленные религіозные споры, вызванные исправленіемъ книгъ церковныхъ и дѣломъ патріарха Никона. На сколько можно судить изъ сочиненій Крижаннича, писавшаго опроверженіе на извѣстную челобитную Соловецкихъ монаховъ, онъ не могъ равнодушно относиться къ событіямъ въ русской церкви того времени, вѣроятно, вмѣшавшись въ споръ, вооружилъ противъ себя тогдашнихъ правителей, подозрительно относившихся къ католическому священнику, пришедшему въ Россію во время самого разгара церковныхъ смуть.

Въ ссылкѣ Крижанничъ провелъ 15 лѣтъ. Онъ не разъ обращался съ просьбою къ царю о помилованіи и просилъ царя Алексѣя Михайловича перевести его въ Соловецкую обитель, но его просьбы не доходили до государя. Въ 1676 году онъ обратился съ новою просьбою къ царю Ѳедору Алексѣевичу и, получивъ помилованіе, отправился въ Москву. Въ благодарственномъ посланіи къ Государю Ѳедору Алексѣевичу и привѣтствіи „на счастливое его государское вѣнчаніе“, Юрій Крижанничъ,

уже слабый и старый, по его словамъ, предлагаетъ перевести на русскій языкъ политику Аристотеля для пользы русскаго государства. Имѣются указанія, что онъ былъ въ Москвѣ въ Ноябрь 1676 г. *), но затѣмъ нѣтъ рѣшительныхъ свѣдѣній о мѣстѣ его кончины.

Католическій священникъ, хорватъ по происхожденію, воспитанникъ Рима и католическихъ замысловъ на православныя страны, Юрій Крижаничъ первый задумалъ о возможности создать одинъ общій Славянскій языкъ на основѣ тогдашняго книжнаго русскаго. Въ предисловіи къ сочиненію „Русское Государство“, онъ говоритъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его придти на Русь, было его намѣреніе исправить „Словенскій нашъ языкъ“, который извращенъ, смятенъ и оскверненъ и почти въ конецъ испорченъ вліяніями другихъ языковъ. Для этой цѣли онъ намѣренъ былъ составить „добрую“ грамматику и лексиконъ, какъ необходимыя книги для установленія правильнаго литературнаго языка.

Грамматика Крижанича названа въ оглавленіи предисловіи „Грамматично изказанје об Руском језику“. Предисловіе къ ней, или, какъ его называетъ Крижаничъ, Предговорје—объясняетъ цѣли его труда и взгляды на общеславянскій языкъ. Прежде всего онъ останавливается на вопросѣ, какъ назвать тотъ языкъ, грамматику котораго онъ пишетъ. „Ошибочно, говоритъ онъ, называть нашъ этотъ языкъ *Словинскимъ* (т. е. Славянскимъ), такъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ долженъ быть названъ Русскимъ“. „Когда-то, продолжаетъ онъ, было шесть королевствъ и до сихъ поръ существуетъ шесть племенъ (шестеро льудство) и сообразно съ этимъ шесть болѣе извѣстныхъ язычныхъ *отминъ* (нарѣчій) въ нашемъ народѣ: это Русскіе, Ляхи, Чехи, Болгаре, Сербы и Хорваты“. Что касается трехъ послѣднихъ, то онъ ихъ зоветъ общимъ именемъ *Словинцевъ* или *Задунайцевъ*. Но между всѣми этими шестью народностями и именами,

---

*) Строевъ. Библиологическій Словарь и черновые къ нему матеріалы, стр. 61. По записи видно, что Крижаничъ 4 Ноября 1676 г. взялъ рубль милостыни у патріарха въ Москвѣ.

по мнѣнію Крижанича, „зачально јест људство јме Руско“, всѣ же остальные народности произошли отъ Русскихъ и потому ихъ имена моложе Русскаго имени и неизвѣстны древнимъ писателямъ. Говоря о раздѣленіи Славянъ на племена, Юрій Крижаничъ утверждаетъ, что лишь случайно имя *Славяне* стало болѣе извѣстно и распространено у древнихъ писателей, особенно греческихъ, чѣмъ имя *Русское*. Крижаничъ выводитъ изъ русскихъ предѣловъ Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, когда-то называвшихся общимъ именемъ „Словинци“, а также и Ляховъ, Мораванъ и Чеховъ, основавшихъ свои государства. „Становито јест, говорптъ онъ въ концѣ этого отдѣла, еже Руско племе и јме јест остальнимъ всимъ вершина и коренига“.

Утвердивъ такимъ образомъ общее имя Славянъ въ названіи *Русскіе*, Крижаничъ замѣчаетъ, что ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ Русскую „отмину“ плодомъ „Словинской отмины“, но Словинская, Чешская и Ляшская отмины—чада Русскаго языка. Отсюда, по его мнѣнію, и тотъ языкъ, который употреблялся въ литературѣ того времени, не можетъ быть называемъ Славянскимъ, но *русскимъ* книжнымъ или древнимъ. Причины этого, указываемыя Крижаничемъ, слѣдующія: 1) это нарѣчіе—корень (коренига) остальнымъ пяти или шести славянскимъ нарѣчіямъ и потому, „безъ сомнѣнія“, принадлежитъ самому старому поколѣнію—Русскимъ; во 2) этотъ книжный языкъ значительно болѣе похожъ на обычный русскій языкъ, чѣмъ какое нибудь изъ остальныхъ Славянскихъ нарѣчій. Тутъ Крижаничъ ссылается въ доказательство на тѣ главы своего „Грамматичнаго изъазанія“, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ отличія русскаго языка отъ сербскаго и хорватскаго.

Исходя изъ той мысли, что языкъ не можетъ достаточно развиваться тамъ, гдѣ нѣтъ политической жизни, и что литературное развитіе языка происходитъ въ самостоятельныхъ политическихъ организмахъ, Крижаничъ отмѣчаетъ, что ни одна славянская народность не имѣла въ эту пору самостоятельнаго сильнаго государства. Существуетъ лишь одно русское государство, говоритъ онъ, а остальные народности подпали подъ власть „Нѣмцевъ, Вугровъ, Влаховъ и Турковъ“. Они потеряли, кто

треть, кто половину реченій своего отечественнаго языка, и всякій день теряютъ что нибудь, замѣчаетъ онъ. О Польскомъ государствѣ и о польской литературѣ онъ здѣсь не упоминаетъ, такъ какъ это было время начала упадка Польши и концентрированія Русскаго государства. Крижаничъ могъ хорошо понимать значеніе перваго сейма, сорваннаго *liberum veto* въ Варшавѣ въ 1651 г., и подчиненія Богдана Хмѣльницкаго Московскому государству. Югославянскій патріотъ, призывавшій царя освободить славянъ балканскихъ отъ Турокъ, видѣлъ, что Польша того времени безсильна совладать съ Турками, какъ это вскорѣ и оказалось при заключеніи Бучацкаго мира въ 1672 г., по которому къ Туркамъ отошли даже Подолія и Украйна, а сама Польша обязалась платить дань Турціи. Въ Польскомъ языкѣ Крижаничъ видѣлъ слишкомъ обильные слѣды нѣмецкаго вліянія и относился къ нему вообще очень недружелюбно.

Желая уяснить читателямъ высказанную имъ мысль, Крижаничъ дѣлаетъ краткій отзывъ о положеніи языка у различныхъ славянскихъ народностей. У Болгаръ нечего искать, говоритъ онъ, ибо тамъ такъ „изгублен“ языкъ, что отъ него едва ли остается слѣдъ. У Ляховъ половина словъ взята изъ другихъ различныхъ языковъ,—Крижаничъ имѣлъ здѣсь въ виду латинизмы и германизмы тогдашней польской рѣчи. У Чеховъ—языкъ чище, чѣмъ ляхскій, хотя и онъ также не мало загрязненъ. А Сербы и Хорваты такъ потеряли свою дѣдовскую рѣчь, что кромѣ домашняго дѣла, не могутъ имъ пользоваться для какаго нибудь болѣе важнаго сочиненія: кто-то о нихъ замѣтилъ, говоритъ Крижаничъ, что Хорваты и Сербы говорятъ на всѣхъ языкахъ, но ничего не могутъ сказать, ибо у нихъ одно слово русское, другое—венгерское, третье—нѣмецкое, четвертое—турецкое, пятое—греческое или волошское, или албанское.

Но Крижаничъ—патріотъ Хорватъ и даже подъ вліяніемъ мѣстнаго патріотизма своей родины. Поэтому онъ спѣшитъ прибавить, что не смотря на всѣ примѣси въ Хорватскомъ языкѣ, тамъ соблюдаются правильныя ударенія, грамматическія правила, чистое изглашеніе чужихъ словъ, и образъ рѣчи нигдѣ такъ не близокъ „къ древнему и коренному“ русскому языку, какъ

именно у Хорватовъ, особенно живущихъ въ небольшомъ уголкѣ, около рѣкъ Купы и Вуны, въ уѣздѣ Дубовца, Озля и Рыбника,—откуда онъ самъ былъ родомъ. Причину того, почему тамъ сохранились болѣе древнія формы и особенности языка, онъ находитъ въ томъ, что во время турецкихъ нападений и при взятіи „хорватской столицы“ города Бихача, туда, въ горныя мѣста удалились Хорватскіе и Сербскіе бояре. Тамъ то сохранился болѣе чистый языкъ, ибо благодаря гористой мѣстности и рѣкамъ, тамъ нѣтъ проѣзжихъ и торговцевъ иноземныхъ, а слѣдовательно иностранцы не могутъ вредно вліять на чистоту рѣчи. Извѣстно, что Крижаничъ обвинялъ Славянъ въ *ксеноманіи*, т. е. особенномъ пристрастіи къ чужеземному и любви къ подражанью и заимствованіямъ.

Вліяніемъ иноземнымъ Крижаничъ объясняетъ то, что и въ русскомъ языкѣ, по его мнѣнію, *сдвинуто съ мѣста* „изреченіе и граматично правило“, но что касается лексического состава языка, то онъ у русскихъ всего лучше и чище, что объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что языкомъ государственнымъ въ Россіи — языкъ народа. Иного мнѣнія Крижаничъ о нарѣчіяхъ русскаго языка. Бѣлорусское нарѣчіе ему представляется искаженнымъ и со стороны лексической, и со стороны синтаксической, благодаря вліянію Польскаго языка. Подобный же отзывъ онъ дѣлаетъ о Кіевскихъ книгахъ, полныхъ такихъ искаженій и „мерзостей“, которыхъ нельзя читать безъ омерзенія и возбужденія желудка къ рвотѣ... Бѣлорусы подражаютъ во всемъ Ляхамъ, говоритъ Крижаничъ, а такъ какъ Ляшское нарѣчіе испорчено примѣсью различныхъ языковъ, то неудивительно, что Бѣлорусы черная изъ загрязненнаго источника, не могутъ „дать намъ чистаго питья“.

Но и самый переводъ церковныхъ книгъ не представляется Крижаничу чистымъ вслѣдствіе внесенія Греческихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Въ Грамматикѣ Крижаничъ помѣстилъ цѣлый отдѣлъ „о порчѣ языка“ (отд. 14, стр. 153—171), въ которомъ указываетъ на заимствованія словъ изъ греческаго, на излишнюю точность въ переводѣ словъ греческихъ сложныхъ сложными же, несвойственными русско-славянскому языку, на